

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Факультет иностранных языков

Григорьев

На правах рукописи

Белогурова Светлана Петровна

**Анимализм как культурологический и художественный феномен
в общественной мысли рубежа XIX-XX вв.**

специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

13 ОКТ 2011

Москва
2011

Работа выполнена на кафедре сравнительно изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Вашенко А.В.

Официальные оппоненты:

кандидат филологических наук, профессор
Михайлова Л.Г.

доктор философских наук,
доктор культурологи, доцент
Костина А.В.

Ведущая организация:

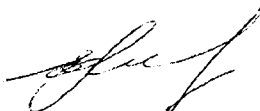
Московский Государственный Областной Университет

Защита диссертации состоится «18» октября 2011 года в 15²⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.28 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке 1-го корпуса гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова

Автореферат разослан «8» сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Е.В. Жбанкова

Общая характеристика работы

В течение всей истории своего развития человечество проявляло устойчивый интерес к познанию животного мира, начиная с видения в животном средства жизнеобеспечения и заканчивая его восприятием в качестве сакрального объекта. При этом гносеологическая деятельность человека по отношению к животному миру не ограничивается научной сферой; она является неотъемлемым атрибутом культуры в самом широком смысле. Репрезентация животных в культуре (с учетом динамики изменения присущих либо приписываемых свойств) прошла долгий путь развития, в процессе которого роль морфологических качеств уменьшалась, а психологических – увеличивалась. Вместе с тем, следует учитывать, что познание животного мира всегда имеет известные пределы, в том числе и в рамках науки, претендующей на объективное изучение окружающей действительности. Поэтому, естественные науки, приобретшие первостепенное значение в общественном сознании в XIX в., не смогли задать жестких рамок для интерпретации животной натуры в других сферах культуры (в частности, в литературе).

Сказанное свидетельствует о необходимости комплексного подхода к познанию животного¹ как физического объекта, части природной среды, артефакта культуры, а также оценки возможности его отображения с позиций рациональных и нравственных. Поэтому в настоящей работе предпринимается попытка исследования такого культурологического и художественного феномена, как анимализм, который наиболее ярко выразился в культуре Европы и Северной Америки на рубеже XIX – XX веков. Особенно яркое выражение он обрел в реалистических рассказах о животных Ч. Роберта и Э. Сетона-Томпсона.

Новизна исследования обусловлена двумя факторами. Во-первых, в культурологии (равно как и в других науках) понятие «анимализм» не является однозначным с точки зрения обозначаемого им комплекса явлений. В частности, анимализмом может в равной степени обозначаться и направление в изобразительном искусстве, и форма религиозного почитания животных, и особенности литературного стиля. Подобные определения неоправданно сужают смысл понятия «анимализм» с учетом его семантического потенциала, либо имеют общепринятые в науке терминологические эквиваленты. Рассматривая анимализм как культурологический и художественный феномен, мы задаем содержательно новую предметную область явлений, обозначаемых указанным понятием, вводя тем самым новый интегративный по отношению к различным сферам культуры объект исследования. Что касается анималистической прозы, то в отечественной научной литературе она изучалась исключительно в рамках филологии и литературоведения. Так, в призме исторического развития французской анималистической литературы Ореховой Ю.С. было выделено две основные тенденции – «антропологическая»,

¹ Говоря о животном как об объекте, мы имеем ввиду не только класс млекопитающих (в биологическом значении) но также птиц, рыб и пресмыкающихся.

господствовавшая до VIII в., заключающаяся в уподоблении животных человеку (сказки, средневековые бестиарии, Роман о Лисе, басни Ж. Лафонтена) и «зоологическая», исходящая из реализма в описании свойств животных и берущая начало в «Естественной истории, всеобщей и частной» (1749-1788) Ж. Бюффона и получившая определенную преемственность в миниатюрах Ж. Ренара (1896)². Вместе с тем, указанная бинарная оппозиция рассматривалась преимущественно как содержательный базис, обуславливающий особенности литературной стилистики.

Во-вторых, следует отметить отсутствие в отечественной культурологической науке работ, посвященных исследованию литературного наследия канадских писателей-анималистов - Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона. И.Ф. Овчаренко в монографии «Англоязычная проза Канады» обзорно рассматривает творчество Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона в русле канадской литературной традиции. Однако, художественные аспекты произведений писателей-анималистов рассматриваются автором в рамках литературоведческого, а не культурологического анализа.

Отсутствие научного интереса к творчеству писателей-анималистов, по-видимому, было продиктовано тем, что популярные и неоднократно переиздававшиеся в России и СССР рассказы Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона воспринимались литературоведами и критиками в контексте литературы для юношества. При этом основной целью анималистических рассказов виделось воспитание гуманного отношения к животным, ознакомление с реальной жизнью диких животных в доступной и понятной форме. Популярность рассказов Э. Сетона-Томпсона среди юных читателей, а также их воспитательное значение для детей и молодежи отмечали Н. Сладков и В. Бианки, а также Е.Е. Сыроечковский и Э.В. Рогачева.³

Вместе с тем, мировоззренческая ценность этих рассказов в контексте культуры далеко выходит за рамки популяризации в области ювенальной педагогики. В частности, В.Е. Флинт один из немногих ученых, более-менее четко обозначивших перспективную мировоззренческую ориентацию рассказов Э. Сетона-Томпсона: «Для поколения ребят 30-х годов сборники рассказов Сетон-Томпсона были целой эпохой, и мировоззрение практически всех современных ученых-зоологов и защитников природы «старшего поколения» так или иначе сложилось под влиянием этих истинных жемчужин анималистической литературы».⁴

² Орехова Ю.С. Анималистическая литература Франции: традиции и их трансформация в творчестве С.-Г. Колетт : дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Орехова Юлия Сергеевна; [Место защиты: Рос. гос. ун-т им. Иммануила Канта]. - Калининград, 2008.

³ Сетон-Томпсон Э. Маленькие дикари, или Повесть о том, как два мальчика вели в лесу жизнь индейцев и чему они научились : [Для сред. шк. возраста] / Э. Сетон-Томпсон; Пер. с англ. [Н. Темчиной; Послел. В. Бианки, Н. Сладкова; Худож. Е. Антимонова]. - Новосибирск : Дет. лит. : Сиб. отд.-ние, 1991. С.204-205; Сетон-Томпсон, Э. Жизнь и повадки диких животных / Эрнест Сетон-Томпсон; Пер. с англ. Л. М. Биндеман. - М. : Знание, 1984. С. 5.

⁴ Сетон-Томпсон Э. Виннипегский волк, и другие рассказы о животных : [Пер. с англ.] / Э. Сетон-Томпсон, Ш. Барифорд, Дж. Даррелл; [Предисл. В.Е. Флинта; Худож. Ю.Д. Федичкин]. - М. : Высш. шк., 1992. С. 7.

Актуальность работы. Представляется, что роль рассказов Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона в становлении общественной мысли, рассматриваемая в неразрывной связи с историческими реалиями и социокультурной средой рубежа XIX – XX вв., до настоящего времени практически не изучена. Необходимость подобного исследования акцентируется углубляющимся конфликтом в отношениях человека и природы, вызывающих к кардинальному их пересмотру как в сфере мировоззрения, так и в части практической деятельности.

Объектом исследования является анимализм как интроспективный, психолого-ориентированный подход к познанию животного и репрезентации его в различных сферах культуры (философии, науке, литературе). **Предметом** исследования являются анималистическая проза рубежа веков, представленная в новеллистике Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона, а также естественнонаучная доктрина рубежа XIX-XX веков.

Целью работы является исследование феномена анимализма на широком культурологическом материале (философском, естественнонаучном, литературном), характеризующем в целом состояние общественной мысли рубежа XIX – XX вв., отмеченного бурным развитием естественных наук, преобладанием материалистических и прагматически-ориентированных философских концепций, повсеместным ростом социальной и политической напряженности. Учитывая интегративный характер данного феномена, тесную связь между наукой, позитивистки-ориентированной философией и реалистической литературой в контексте культуры рубежа XIX-XX вв., исследование литературного анимализма на эмпирической базе рассказов о животных Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона является приоритетным направлением работы. Подобная расстановка приоритетов обуславливается следующими обстоятельствами. Во-первых, литературный анимализм (в отличие от научного, философского, религиозного) возник именно на рубеже XIX-XX вв. Во-вторых, он восполнил пробелы в определенных областях научных знаний, предшествуя формированию специальных научных дисциплин (в частности, этологии), а также обозначил ряд проблемных вопросов перед эволюционной зоопсихологией, находящейся в стадии становления. В-третьих, его аксиологическая ценность проявилась в пропагандируемой писателями-анималистами идеологии гуманного отношения к животным, противостоящей господствующим в общественном сознании рубежа XIX-XX вв. тенденциям антропоцентризма, прагматизма, индивидуализма. Моральные установки, заложенные в анималистических рассказах Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона, сыграли важную роль в развитии понятия гуманизма, экологического права, общественных движений защиты прав животных.

Для достижения поставленных целей в работе потребовалось разрешить следующие задачи:

- дать определение и характеристику анимализма как культурологического и художественного феномена;
- установить соотношение анимализма и антропоморфизма как гносеологических феноменов применительно к животным;
- выявить особенности научного анимализма на рубеже XIX-XX вв.;
- представить классификацию разновидностей анимализма в зависимости от его проявлений в различных сферах культуры;
- выявить взаимосвязь и специфику научного, философского, литературного анимализма;
- раскрыть проблему генезиса и развития литературного анимализма в различных культурных сферах;
- выявить средства и способы познания внутреннего мира, психологии животных, а также телеологии их поведения в рамках анимализма;
- отразить социальную проблематику анималистической художественной прозы на рубеже XIX – XX веков;
- провести детальный анализ анималистических рассказов Ч. Робертса, Э. Сетона-Томпсона на предмет выявления художественных приемов и средств изображения животных в комплексе взаимоотношений друг с другом, с естественной и антропогенной средами обитания, с человеком, в том числе раскрыть индивидуально-личностные и социальные аспекты жизнедеятельности животных в рамках литературного анимализма;
- обосновать гуманистическую и этическую направленность литературного анимализма.

Методологическую базу исследования составляют:

диалектический метод, раскрывающий гносеологическую составляющую анимализма, а также совокупность противоречий, возникающих при анализе этого явления (главным образом, в поиске синтеза бинарной оппозиции: «Животные неразумны и безнравственны» (тезис) и «животные разумны и нравственны» (антитезис)).

структурно-функциональный метод, который преимущественно использовался при анализе фольклорного и литературного материала (сказок, басен, бестиариев), для выявления общих морфологических и типологических особенностей.

семантический метод, дающий возможность раскрыть многообразие понятия «анимализм» с позиций его смыслового содержания, в том числе путем сопоставления значений термина;

синхронический метод (применяемый при рассмотрении таких разновидностей, как научный, философский, литературный анимализм, в едином временном срезе – на рубеже XIX-XX вв.) и *диахронический метод* (исследование генезиса анимализма и его развития в разные периоды и в разных социокультурных условиях).

компаративистский метод, позволяющий провести сопоставление идейных концептов, выраженных в творчестве Э. Сетона-Томпсона и Ч. Робертса.

психо-интроспективный метод, позволяющий изучить феномен внутреннего мира животного изнутри, понять его психические основы, обозначить ведущую роль индивидуального опыта в жизни животных.

Исследование выполнено на **материале** анималистических рассказов Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона, а также работ философов и ученых: А. Берса, Э. Бэна, Ч. Дарвина, Н.Я. Данилевского, В. Вундта, Э. Геккеля, А. Эспинаса, Э. Дюркгейма, Л. Бюхнера, П.А. Кропоткина, М. Мюллера, Д. Роменса, К. Фохта, А. Фулье, П. Хохрякова и других.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут способствовать разработке теоретических проблем анималистической литературы в рамках любой культурной традиции, а также дальнейшему изучению феномена анимализма как комплексно, так и в отдельных культурных сферах на разных этапах развития человеческой цивилизации. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов, основных положений и выводов при подготовке общего курса канадской литературы, спецкурсов, посвященных творчеству анализируемых авторов, а также способам и формам репрезентации животных в культуре.

Апробация работы. Ряд положений диссертации был представлен в докладах, сделанных на конференции «Проблемы подготовки современного учителя иностранного языка» (МГПИ 2008), 11-й международной конференции «Россия и Запад: Диалог культур» (МГУ им. М.В. Ломоносова 2005); по материалам диссертации опубликовано 6 статей. Творчеству Ч. Робертса, Э. Сетона-Томпсона были посвящены лекции, прочитанные на кафедре сравнительного изучения национальных литератур и культур МГУ им. Ломоносова в рамках курса по канадской литературе.

Положения, выносимые на защиту:

- анимализм - это интроспективный, психолого-ориентированный подход к познанию животного и репрезентации его в различных сферах культуры, исходящий из признания наличия в животном чувственного и разумного начал;
- основными функциями анимализма являются гносеологическая, экологическая и эстетическая;
- литературный анимализм - явление контркультурного порядка по отношению к мировоззренческому антропоцентризму, этической доктрине, научным парадигмам рубежа XIX-XX вв.;
- центральными эстетическими категориями в рассказах Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона являются трагическое и героическое;

- животные персонажи писателей-анималистов (особенно Э. Сетона-Томпсона) являются нравственными субъектами, в системе ценностей которых свобода занимает центральное место;

- «биографический метод» Э. Сетона-Томпсона как средство репрезентации животных способствует оптимальному решению задач литературного анимализма путем фиксации динамики изменения внутреннего мира животных в течение жизни и решению морально-дидактических задач.

Настоящее исследование выстроено на основе пятичастной структуры и состоит из введения, трех глав и заключения.

Основное содержание работы.

Во введении обосновывается актуальность работы, выявляется степень ее разработанности, определяются объект и предмет, цели и задачи исследования, раскрывается его научная новизна.

Первая глава работы, «Анимализм и проблемы его генезиса в культуре», посвящена общей характеристике феномена анимализма, оценке предпосылок и возможностей его возникновения в литературной традиции Запада.

В §1, «Понятие анимализма и его общая характеристика» отмечается, что в настоящее время в науке отсутствует единый подход к трактовке термина «анимализм»: в это понятие вкладываются самые различные значения. Во-первых, анимализм можно рассматривать как совокупность качеств, склонностей, действий или состояний, связанных с животными. Существует распространенные энциклопедические объяснения термина анимализм как жизнедеятельности животного⁵, совокупности особенностей животного в отличие от растений,⁶ совокупности черт, свойственных животным, звериной натуры.⁷ Совершенно иной смысл (с негативной коннотацией) вкладывается в определение анимализма как грубо-животной жизни в противоположность высшей, духовной.⁸ Во-вторых, анимализм можно представить как комплекс идей, связанных с животными (в том числе, в рамках определенных учений, направлений, систем). Мы предлагаем дать определение анимализма как интроспективного, психолого-ориентированного подхода к познанию животного и репрезентации его в различных сферах культуры, исходящего из признания наличия в животном чувственного и разумного начал. В зависимости от сферы культуры, в рамках которой применяется указанный подход, можно выделить такие его разновидности, как научный анимализм, философский анимализм, литературный анимализм. Особенностью научного анимализма являлось то, что он, не обладая признаками научной теории, обозначал путь к новой научной

⁵ Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней, 1865 г.

⁶ Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка., Спб., 1910 г.

⁷ Большой словарь по социологии, проект www.rusword.com.ua. [электронный ресурс] Условия доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/662/page/8>.

⁸ Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке». Москва : т-во И.Д. Сытина, 1907 г.

парадигме, формирующей новую научную дисциплину с самостоятельным предметом исследования – зоопсихология. Философский анимализм в рассматриваемый период характеризовался значительной предметной редукцией: на рубеже XIX-XX вв. не существовало ни одного философского направления, комплексно рассматривавшего животного во всем многообразии его проявлений. Что касается литературного анимализма, то его важнейшей особенностью является установка на эмпатию, которая в значительной степени расширила горизонты познания внутреннего мира животных. Наиболее сложна методологическая проблема разграничения анимализма и антропоморфизма: человек в силу своей биологической конституции в той или иной степени склонен уподоблять явления окружающего мира (в том числе животных) себе. В определенной степени анимализм как культурологический феномен соотносится с бихевиоризмом, натурализмом, психологизмом, биологизмом (в числе ведущих направлений общественной мысли рубежа XIX-XX веков), но при этом сохраняет свое самостоятельное значение.

В §2, «Генезис философского и научного анимализма», утверждается, что философский анимализм как совокупность идей о животных, их онтологическом статусе, представляет собой частный компонент в рамках отдельных философских систем. Отправной точкой для развития идей анимализма послужила механистическая концепция Р. Декарта, представлявшая животных в качестве живых автоматов. Именно в идеологическом противостоянии с картезианским учением философский анимализм как подход формируется в XVIII в. с учетом специфики материалистических и идеалистических учений. В параграфе рассматриваются анималистические доктрины Д. Локка, Д. Дидро, Д. Юма, К. Гельвеция, Э. Кондильяка, Ш. Леруа, Д. Пристли, Ж. Ламетри и других. В целях выявления гносеологического значения философского анимализма автор рассматривает его в русле концепции Т. Куна об исторической динамике и этапах развития научных представлений.

В качестве основной проблемы философского анимализма XVIII в., следует обозначить недостаточную развитость представлений о психическом начале. Многочисленные попытки разграничить душу и чувственную сферу, разум и рассудок, память и ассоциации идей у животных не были лишены противоречий и отличались наивностью. Уровень развития общественной мысли конца XVIII в. не позволял еще дифференцировать психические явления, что делало сопоставление человека и животного достаточно поверхностным, обозначая, тем не менее, перспективу для дальнейших исследований. Развитие анималистических доктрин в философских течениях XVIII в. (в том числе в рамках теорий познания), способствовало формированию фонда идей «нормальной науки» (в трактовке Т. Куна) и генезису научного анимализма в качестве парадигмы.

Репрезентация животных в фольклорной и литературной традиции Запада составляет содержание §3. Репрезентация животных в культуре имеет давние и

устойчивые традиции в фольклоре и литературе, в связи с чем приобретает особую значимость вопрос о том, где следует искать корни литературного анимализма как художественного феномена, какими могли быть предпосылки его появления. Во многом оценка возможности генезиса анимализма в литературе зависит от ответа на вопрос о том, было ли выражено в фольклоре и литературе рассматриваемого периода в каком бы то ни было виде отношение к животным как к разумным существам или нет. Приходя к выводу о невозможности возникновения литературного анимализма в предшествующей фольклорной и литературной традиции, автор исходил из оценки отношения сказки, басни, бестиария с позиций содержания (фабулы) и действительности (в частности, литературных и фольклорных персонажей реальным прототипам), целей использования животного персонажа и его значимости в рамках каждого отдельно взятого жанра, отношения человека к животному, выражающегося в определенных средствах и способах художественного отображения.

Сказка, представляющая собой продукт десакрализации мифа⁹, характеризуется заведомым неправдоподобием в изложении сюжета, отсутствием претензий на достоверность¹⁰. Одной из главнейших форм выражения вымысла в сказке является сознательный антропоморфизм персонажей. Как и в архаическом фольклоре, герои животных сказок наделены двойственными признаками — человеческими и животными, однако эта двойственность уже не является следствием убежденности в отсутствии границ между ними. Эмпатия в отношении животных как важная составляющая литературного анимализма практически чужда сказкам; в значительной степени это обусловлено ее комической составляющей. Целью сказки не является изображение психологии животных персонажей, в чем трудно согласиться с В.П. Аникиным¹¹, поскольку черты настоящих животных существенно редуцированы и глубоко проникнуты антропоморфизмом. Вместе с тем, человеческие качества, приписываемые животным, не могут существовать в отрыве от того стереотипа поведения, с которым люди обыкновенно ассоциируют определенное животное. В животной сказке моральная трактовка персонажей неоднозначна: в этом проявляется синкретизм представлений о добре и зле. Человеческое несовершенство, переносимое на животных, преодолевается юмором; в этом подходе очевидна компенсаторная, исключаящая эмпатию, функция проецирования человеческих комплексов на животных. В волшебных сказках значение животного как персонажа уменьшается; он переходит в категорию второстепенных и выступает, как правило, в качестве дарителя-помощника. В связи с этим животное еще больше утрачивает психологическую описательность и его роль сводится к функциям, производным от целевой установки главного героя.

⁹ Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография. Л., 1970 г. с.142

¹⁰ Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. М., 1965. с.5-7; Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи М., 1976 с. 88.

¹¹ Аникин В.П. Искусство психологического изображения в сказках о животных // Фольклор как искусство слова. М., 1969. с. 39

В басне вымысел не тождествен сказочному: охватывая ее фабулу, он не имеет отношения к дидактической части басни. Антропоморфизм басни более абстрактен: в животном видится обезличенный носитель той или иной идеи. Животное представляет собой модель, которая еще больше удаляется от своего реального прототипа. Персонажи басни – фигуры условные: сюжетные функции могут одинаково поручаться любому животному. Животные упрощаются, антропоморфизм теряет глубину и становится более поверхностным. Исследователями (в частности, Т. Лессингом, Л.С. Выготским, В.А. Жуковским, М.Л. Гаспаровым) выделяется несколько причин, почему героями басен выступают животные: архетипическая понятность, наибольшая определенность и постоянство характера, изоляция от действительности, необходимая для определенного эстетического впечатления, сознательная дезмоционализация повествования. Таким образом, в отличие от сказок, басня полностью утрачивает познавательное значение применительно к животным.

Бестиарии как литературные источники обладают рядом особенностей по отношению к сказкам и басням: налицо квазинаучный характер сведений о животных (христианская зоология), отсутствие выраженного антропоморфизма, парадоксальность действий животных персонажей. Парадоксы бестиариев являются мнимыми, а зоологические данные имеют прикладной по отношению к христианской идеологии характер: их цель заключается в приобщении к божественной, непостижимой реальности. Таким образом, бестиарии не интерпретируют натуру животных, а модифицируют ее, ассоциируя то или иное животное либо его действия с определенной моделью религиозного поведения, либо с трансцендентными сущностями Бога и Дьявола.

Отправной точкой в формировании жанра рассказа о животных, включающего концептуальные элементы анимализма, можно считать сочинение Клавдия Элиана «О природе животных». Рассказы Элиана – не сочинения по зоологии, а произведения литературы о животных, базирующиеся на достижениях античной научной мысли, они иллюстрируют действительные модели поведения животного (в природе либо по отношению к человеку); автор не только исходит из утверждения о разумности животных, он констатирует нравственное превосходство животных над человеком, поскольку животные ближе к природе, а человек, отдаляясь от нее, утрачивает совершенство. Универсальная мораль в рассказах выступает проводником в мир животной психологии, и в ряде случаев поведение животных Элиан стремится объяснить их мышлением. Вместе с тем, животные в рассказах Элиана представлены достаточно однобоко, а не во всем многообразии своих проявлений; в значительной степени это объясняется целями античной дидактики. Однако автор далек еще от того, чтобы посмотреть на окружающую действительность глазами животного: он не воспроизводит духовный мир зверей, а ограничивается описанием их внешних реакций.

Приходя к выводу о невозможности возникновения литературного анимализма в предшествующей реалистическим рассказам о диких животных фольклорной и литературной традиции, автор исходит из совокупной оценки сказки, басни, бестиария с позиций соотношения их содержания (фабулы) и действительности (в частности, литературных и фольклорных персонажей их реальным прототипам), места животного персонажа и его значимости в рамках каждого отдельно взятого жанра, отношения человека к животному, выражающегося в определенных средствах и способах репрезентации. С учетом исторической преемственности фольклорных и литературных жанров можно сделать вывод о постепенной редукции свойств, присущих непосредственно животным, сопровождающегося вытеснением черт животного человеческими чертами, а впоследствии черт животного – комплексом идей. Обозначенная тенденция к символизации животного не создавала предпосылок для возникновения литературного анимализма в литературной и фольклорной традиции Запада.

Во второй главе, «Анимализм в сферах культуры на рубеже XIX-XX веков», проводится детальное исследование научного, философского, литературного анимализма, с обозначением имеющихся между ними параллелей и взаимосвязей.

В §1, «Научный анимализм в свете эволюционного учения Ч. Дарвина», констатируется, что Научный анимализм, выросший на почве анимализма философского (Р. Декарт, Н. Мальбранш, Ж. Ламетри, Э. Кондильяк) достиг предела в своем развитии к концу XIX в. с появлением эволюционного учения Ч. Дарвина. Механистическая концепция Р. Декарта представляла животных в качестве телесных машин, не способных к разумной деятельности и преодолению природного автоматизма, заложенного в инстинктивной природе их существования. Человек, обладавший, в отличие от животных, разумной душой, диалектически противопоставлялся природе, что не противоречило господствующим христианским теологическим доктринам. Таким образом, центральным признаком возникновения научного анимализма следует считать признание и стремление к обоснованию наличия в животном разумных начал. В настоящей работе рассматриваются некоторые частные аспекты дарвиновской теории, составляющие основу научного анимализма. Во-первых, первостепенное значение в свете развития идей научного анимализма приобретают аргументы, которыми обосновывалось последовательное развитие интеллекта в животном мире в процессе эволюции. Во-вторых, сравнительный анализ человека и животного в области психических явлений актуализировал вопрос об определении демаркационной линии между человеческими и животными сообществами.

Главный парадокс дарвиновского учения заключался в том, что оно, став официально признанной в научном мире теорией и определив вектор развития естествознания на столетие и более вперед, фактически осталось гипотезой. Тезис о решающем значении борьбы за существование для развития умственных

способностей животных Ч. Дарвиным обоснован не был, с учетом того, что на ограничение роста численности вида могли влиять целый комплекс иных, неисследованных факторов. Сравнивая человека с животным, Ч. Дарвин исходил из рассуждений, основанных на аналогии: животным свойственны те же эмоциональные состояния, побуждения, ощущения. Кроме того, они любопытны (т.е. способны к познавательной деятельности), способны выражать удивление (т.е. сопоставлять новые впечатления с ранее полученными), обладают памятью, воображением, способностями к подражанию, вниманию, рассуждению, выбору. В конечном счете, Ч. Дарвин приходит к следующему выводу: «Как бы ни было велико умственное различие между человеком и высшими животными, оно – количественное только, а не качественное».¹² Это утверждение опровергалось в науке рассматриваемого периода (в работе подробно рассмотрена позиция П.П.Хохрякова) либо подвергалось обоснованному сомнению (М. Мюллер).

Основными методами научного анимализма на рубеже XIX-XX вв. являлись интроспекция и сравнительный анализ человека и животного, целью которого стало выявление сходства и различия в их умственной организации. Однако в дарвинизме гносеологический акцент был направлен в большей степени на человека, чем на животное: изучение животных стало средством выявления генезиса человека как биологического вида, обоснования его происхождения из животного мира. Таким образом, познание животного не являлось самоцелью научного исследования, а, по сути, носило прикладной характер. Кроме того, невозможность полного преодоления антропоморфизма Ч. Дарвиным и его последователями ставила под сомнение объективность исследований рефлексии животных.

§2 главы II называется «Антитеза человека и животного: анимализм в этике». Традиционно этика рассматривалась в русле философской мысли, однако на рубеже XIX-XX вв. ситуация резко изменилась ввиду вторжения естественных наук в сферу проблематики морали и нравственности. Традиционно в этике нравственное чувство считалось исключительной прерогативой человека. С появлением дарвинизма и культурной сферы, которая впоследствии была названа социальной и биологической этикой, соотношение между человеком и животным в области нравственного чувства могло быть кардинальным образом пересмотрено, поскольку дарвинизм исходил из тезиса о происхождении человека от животной предковой формы. Тем не менее, Ч. Дарвин рассеял эту иллюзию: «Я вполне согласен с мнением тех писателей, которые утверждают, что из всех различий между человеком и низшими животными самое важное есть нравственное чувство, или совесть».¹³ Таким образом, животное не рассматривалось в качестве субъекта нравственного поведения, оцениваемого в рамках человеческой аксиологии. Вместе с тем, биологическая этика допускала возможность выведения морали из чувственных

¹² Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. СПб., 1896. с.91

¹³ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. СПб.1896. с.67.

начал животного (А.А. Берс). Невозможность отделить в животных сознательную побудительную причину нравственного поведения от инстинкта означала признание животных заведомо лишенными нравственности, поскольку в их действиях нельзя с уверенностью усмотреть акты свободной воли. Кроме того, животные рассматривались как существа эгоистические, чей альтруизм (как проявление нравственного чувства), обуславливался автоматизмом, прагматическим соображениями и полезностью. Вместе с тем, простота многих нравственных идей, по мнению ряда авторов (в частности, А. Фулье) не требовала от животных сверхинтеллектуальных усилий для их освоения. В связи с этим Э. Сетон-Томпсон допускал возможность со стороны животных следовать ряду библейских заповедей, которые являются, по его мнению, универсальными для человеческого и животного сообществ. Подобная постановка вопроса носила ярко-выраженный контркультурный характер по отношению к доминирующим этическим концепциям рубежа веков.

§3 главы II посвящен социальной проблематике анималистической художественной прозы на рубеже XIX –XX веков. Возникновение такого жанра канадской литературы, как анималистический рассказ, в контексте развития общественной мысли Запада можно считать вполне закономерным с учетом обозначенных выше принципов трактовки животных с позиций господствующих на рубеже веков научных доктрин. Р. Лутц полагал, что истоки мироощущения нового жанра восходят к романтизму и трансцендентализму.¹⁴ Реалистический рассказ о диких животных сочетал в себе элементы *nature writing* (натуралистских описаний) и *animal fiction* (рассказов о животных). Ч. Робертс писал: «реалистический рассказ о диких животных в высшей точке своего развития – это психологическая авантюра, выстроенная на основе естественной науки».¹⁵ В анималистическом рассказе животные персонажи позиционировались под углом зрения, отсутствовавшим в предшествовавшей литературной традиции. Суть литературного анимализма как подхода, составлявшего канву рассказов Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона, заключалась в особом роде эмпатической интроспекции, когда основной задачей становилось раскрытие внутреннего мира животного. Писатели-анималисты пытались представить происходящие в рассказе события с точки зрения животного персонажа путем передачи его собственных чувств, ощущений, мыслительных процессов, внутренне переживаемых им и находящихся свое выражение в его поведении и поступках. Жанр анималистического рассказа изменял вектор анализа природы диких животных, живущих независимо от человека и имеющих право жить собственной жизнью, но вместе с тем способных разделить многие человеческие желания и страсти. При этом эталоном создаваемых образов стало изображение животных в качестве самодостаточных персоналий, свободных от антропоморфизма

¹⁴ R.H. Luts. *The Nature Fakers. Wildlife, Science & Sentiment* (Virginia, 2001). P.7

¹⁵ Roberts C. *The kindred of the wild. A book of animal life* by Charles G.D. Roberts. Livingston Bull, Boston Page, 1902. 24.

и субъективности человеческих оценок и интерпретаций. Новым в реалистических рассказах о диких животных было то, что звери там скорее преследуют собственные цели, живут ради себя, а не ради человека. Динамика перехода от антропоморфизма к анимализму заключалась в стремлении писателей-анималистов минимизировать субъективизм в оценке животных и лишению животных максимально возможного числа человеческих качеств. Вместе с тем, писатели-анималисты, по сравнению с представителями научного сообщества, имели гораздо большую степень свободы в интерпретации любых явлений окружающей действительности, что стало в начале XX в. предметом обширной общественной полемики. Наиболее острую дискуссию вызывали принципы изображения животных, то есть сама методологическая основа (собственно анимализм), - сентиментальное отношение к животным персонажам, эстетическая интерпретация жизни диких животных в природе. Центральным вопросом являлось сопоставление анимализма с методами естественных наук (в частности с наблюдением, экспериментом) по критерию причинности и точности описания явлений природы. В частности, Д. Берроуз долгое время доказывал, что многие популярные писатели, включая Э. Сетон-Томпсона, Чарльза Г. Д. Робертса, Уильяма Дж. Лонга и Джека Лондона, были фальсификаторами естественной истории, чрезмерно драматизировавшими жизнь зверей. В полемику вокруг принципов изображения животных был вовлечен президент США Т. Рузвельт, который публично поддержал позицию Д. Берроуза. Именно с его подачи полемика приобрела характер идеологической борьбы с «фальсификаторами природы», продолжавшейся несколько лет.

Вопреки мнению канадского литературного критика А. Лукаса, традиции жанра реалистического рассказа о диких животных (в том числе в части применения анимализма) не изжили себя и нашли свое продолжение в творчестве ряда писателей XX века, среди которых можно выделить в западной литературе Р. Карсон, С. Карригар, А. Белани (Серая Сова), Ф. Мовата, а в отечественной - М.М. Пришвина, В.В. Бианки.

Третья глава, «Методология литературного анимализма в творчестве Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона», раскрывает в своем содержании широкий спектр частных аспектов литературного анимализма, выявляемых на базе анализа содержания анималистических рассказов Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона.

Содержание §1 III главы посвящено проблеме **природного и антропогенного в реалистических рассказах о диких животных.** Условия существования любого живого существа во многом зависят от совокупности свойств, присущих среде обитания. Природное и антропогенное – это два полюса онтологии животного; первый характеризуется естественностью среды обитания и генерируемых ею условий существования, а второй – мерой воздействия человека на естественную среду либо созданием им искусственной среды обитания животных, подчиненной собственным потребностям. Рассматривая творчество Э. Сетона-Томпсона и

Ч. Робертса, можно выделить ряд аспектов, которые последовательно раскрывают содержание категорий природного и антропогенного и их соотношение. Ни человек, ни природа не являются замкнутыми системами: животные в рассказах писателей-анималистов часто выступают проводниками между тем и другим, являя тем самым свою натуру.

В качестве первого аспекта литературного анимализма можно обозначить сущностную оценку естественной среды как целостной системы, общих принципов ее функционирования, а также путей ее информационного и нравственного воздействия на животных. Одним из центральных вопросов становится выявление роли борьбы за существование как неперемennого условия бытия в жизни животных. Борьба за существование в лесу, полях, воде и горах идет непрерывно, подчиняясь закону круговорота: так, в рассказе «На пороге нового Брауншвейга» выдра, намереваясь пообедать добытым лососем (который до этого чудом спасся от другой выдры), по неосторожности сама становится жертвой орла, претендующего на добычу водяного хищника. Будничная жизнь кроликов, как отмечает Э. Сетон-Томпсон, – это ряд спасений от опасности, поскольку они окружены врагами со всех сторон¹⁶. В ответе на вопрос, подчиняется ли такая борьба какому-либо универсальному нравственному началу, авторы придерживаются диаметрально противоположных точек зрения. Ч. Робертс приходит к нигилизму и дарвиновскому видению аморальности природы. В рассказе «Пятнистый чужестранец» леопард погибает вследствие недооценки незнакомого ему врага-медведицы, но к нему нет снисхождения; недостаток справедливости в природе может компенсироваться везением. Э. Сетон-Томпсон, напротив, видит присутствие в природе высшей идеи справедливости. Своим естественным ходом, цикличностью сменяющихся процессов жизни и смерти она может восстанавливать права слабых, беспомощных и угнетаемых. Хорек, съевший беспомощного утенка Рунти, позднее умирает от растительного яда, находившегося в трупах других утят. При этом следует показательная ремарка о том, что «они страшно отомстили за себя».¹⁷ Еще одним свидетельством этичности природы, по Э. Сетон-Томпсону, является гармонизация ее одушевленной и неодушевленной составляющей (здесь очевидны параллели с индейским видением природы): так, для кролика Рваное Ушко шиповник становится лучшим другом, а для лиса Домино река – спасителем от погони.

Вторым аспектом литературного анимализма применительно к природному началу можно назвать рассмотрение отношений животных к борьбе за существование, выражающихся в жизненном детерминизме и индетерминизме. Жизненный детерминизм, заключающийся в подчинении животным своего существования постоянной борьбе актуализирует выявление писателями-анималистами динамичных способов и средств приспособления животного к

¹⁶ Э. Сетон-Томпсон. Рваное ушко/ Биография гризли и другие рассказы. М., Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910 г. с.122

¹⁷ Э. Сетон-Томпсон. Красношейка/Рассказы о животных. Минск, 1980 г. с.121

жесткому условию их бытия – борьбе за существование. Оба писателя признают интеллект в качестве наиболее существенного условия существования животных вне зависимости от того, являются их действия коллективными или индивидуальными. Телеология борьбы за существование применительно к конкретному животному-индивиду может выражаться в двух плоскостях. Во-первых, в самом общем плане – это стремление сохранить собственную жизнь в течение максимально возможного времени. Во-вторых, сохранение жизни практически невозможно рассматривать вне категории успеха (коллективного или индивидуального). Совокупность побед над врагами и преодолений неблагоприятных условий учитывается при формировании индивидуального опыта; этот опыт, в свою очередь, показывает, насколько преуспевает тот или иной индивид в сохранении жизни. Показательно, что авторы по-разному относятся к насильственному вмешательству человека в борьбу за существование: по Ч. Робертсу, человек вправе действовать подобным образом, выступая в качестве арбитра и являя собой идею высшей справедливости (отсутствующей в природе); Э. Сетон-Томпсон является противником всякого насилия человека над природой (в особенности убийства животных). В соответствии с концепцией жизненного индетерминизма борьба за существование не определяет всецело направленность психических процессов, эмоциональную сферу животных; тем самым, в общей постановке вопроса писатели-анималисты приходят к важному выводу о признании за животными примата автономии воли.

Третьим аспектом литературного анимализма является оценка реакции животного на конкретную среду, на смену сред обитания, на человеческий фактор и анализ того, как эти изменения сказываются на внутреннем мире животного. При отсутствии четких границ между поселениями человека и первозданной природой Канады вероятность перехода диких животных к человеку, а домашних животных в дикую среду существенно увеличивается, что не может не найти отражения в трансформации психики. Ч. Робертса особенно волнует судьба домашних животных, попадающих в дикую природу, кардинально отличающуюся от антропогенной среды, в которой они росли и воспитывались; автор искренне сочувствует тем, у кого domestикация полностью вытравляет инстинкты¹⁸. Что же касается диких животных, то человек, в видении Робертса, гуманен к зверям, и это находит положительный отклик в душах животных: охотник Меривэиль «усыновляет» пуму «Миши», и она отвечает ему преданностью; Мак-Тевис приводит на свой скотный двор олененка Рыжего Дэнди, обреченного на гибель в лесу, и олень впоследствии сознательно спасает охотника от ядовитой змеи.

Среди антропогенных сред, присутствующих в анималистических рассказах, можно выделить парк Иеллоустоун, трущобы, тюрьму (неволя). Парк Иеллоустоун является «квазиестественной» средой: это резервация мира, где животное может

¹⁸ В частности в рассказах «Первобытное усыновление», «Всюду чужой» телята попадают в лес, и чуждая им среда сначала приводит их к определенной фрустрации, а затем к гибели.

обрести спасение от разрушительного во всех отношениях воздействия цивилизации. Осознав степень обеспечения своей безопасности на территории ненасилия, дикие животные изменяют свое отношение к человеку, и даже становятся терпимее друг к другу. Так, у Э. Сетона-Томпсона попадание в эту среду в корне меняет поведение гризли Уэба: он сознательно отказывается от всякого рода насилия и агрессии. Трущобы как антропогенная среда (в частности, в рассказе «Королевская аналостанка») впитывают в себя социальные язвы человеческого общества: бесправие, нищету, криминалитет, экологический дисбаланс. Животных, живущих в трущобах, нельзя назвать домашними: они дикие и руководствуются не только природными инстинктами, но и перверсивным поведением, сформировавшимся под влиянием бесконечных лишений и низкоуровневого человеческого общежития. Наконец, антропогенная среда может быть исключительно тюрьмой для животных, местом их злключения, рабского, невольничьего существования, травли. Эта тема глубоко пронизывает творчество Э. Сетона-Томпсона, который, в отличие от Ч. Робертса, видит человека в ином свете: «иерарх» природы выступает по отношению к ней как жестокий поработитель, изувер. Возникает закономерный вопрос: если животное испытывает на себе подобное отношение человека, как это может сказаться на его внутреннем мире, заложенных в нем нравственных установках? Э. Сетон-Томпсон приходит к выводу, что нравственное чувство животных имеет существенную степень резистентности, и угнетаемый в неволе зверь способен исключить из своего поведения мотив мести.

Наивысшей ценностью для диких животных становится свобода. Как духовная потребность, как естественное имманентное состояние, гармонизирующее внутренний мир животного, она предстает самостоятельным ценностным ориентиром. Это наиболее ярко выражено во взаимоотношениях человека и животного, в которых первый выступает как поработитель и (или) тюремщик, а второй – как порабощаемый и (или) заключенный. Даже сохранение жизни имеет для дикого животного меньшее значение, и выбор между ними всегда осознан: Черный Мустанг предпочитает смерть неволе, Спрингфильдская лисица умерщвляет своего лисенка, избавляя его от участи раба.

Важнейшей задачей в рамках литературного анимализма является сравнительная оценка мотивов поведения человека и животного с нравственной точки зрения. В процессе коллективной либо индивидуальной охоты люди могут преследовать несколько целей (эти цели могут комбинироваться, меняться), но практически все они ведут к самым неблагоприятным последствиям для животных: убийство¹⁹, получение вознаграждения за живого или мертвого зверя²⁰, развлечение и спорт,²¹

¹⁹ См. рассказы Э. Сетона-Томпсона «Вулли», «Домино. История одного черно-бурого лиса», «Монарх, большой Талакский медведь», «Снап», «Спрингфильдская лисица», рассказ Ч. Робертса «Серый вожак».

²⁰ См. рассказы Э. Сетона-Томпсона «Бинго», «Лобо», «Тито», «Виннипегский волк», рассказы Ч. Робертса «Серый вожак», «Властитель Старого Согамаука». Надо отметить, что награда в данном случае всегда носит публичный характер.

добыча зверя как живого трофея для личных нужд²². Охота оценивается писателями-анималистами в целом как явление аморальное, что усугубляется заведомой обреченностью животного. Противостояние человека и животного рано или поздно приводит к безусловному поражению последнего. Недооценка животным возможностей человека часто оказывается фатальной и приводит его к поражению. Истинная же мудрость животного, являющаяся своего рода философией звериной жизни, выражается в том, чтобы сохранять разумный нейтралитет по отношению к человеку, что также свидетельствует о бесспорном наличии в диком животном нравственных начал.

Следующий аспект литературного анимализма заключается в демонстрации возможности (а в ряде случаев необходимости) нравственного единения человека и животного (в этом усматривается этическая функция анимализма). Идейной базой единения выступает альтруизм: животное или человек отказываются от собственного «я» во имя помощи друг другу. Покровительство может оказываться как человеком животному, так и наоборот. Для подавляющего большинства диких животных в анималистических рассказах все возможности человека недоступны пониманию животного. Именно поэтому многие животные принимают за аксиому веру во всемогущество человека и воспринимают его как «старшего брата», часто ища его покровительства в безвыходном положении²³. Возникают и ситуации, когда сам человек нуждается в защите и покровительстве и дикое животное оказывается в состоянии прийти на помощь, делая это совершенно сознательно (рассказ Ч. Робертса «Белый волк», Э. Сетона-Томпсона «Виннипегский волк»).

Дидактическая направленность анималистических произведений очевидна: в них декларируется необходимость возврата человека к природному началу, к проявлению гуманизма по отношению к животным. Литературный анимализм дает ключ к пониманию животного мира всеми доступными человеку средствами, апеллирует к необходимости пересмотра отношения человека к животному, которое раскрывается в совершенно новой плоскости. Каждый аспект анимализма - это ступень посвящения людей в разумный животный мир и его нравственный микрокосм; все вместе они представляют собой алгоритм сближения категорий природного и антропогенного. Сближение человека с природой (возврат к природному началу) - это процесс, в ходе которого могут выделяться отдельные этапы. В контексте анималистических рассказов можно выделить следующие нравственные стадии: человек, разоряющий природу (браконьер), человек, потребляющий природу

²¹ См. рассказы Э. Сетона-Томпсона «Джек-Боевой конек», «Снап», «Бэдлэндский Билли», «Домино. История одного черно-бурого лиса».

²² См. рассказы Э. Сетона-Томпсона «Тито», «Монарх, большой Талакский медведь», «Жизнь серого медведя», «Мустанг-иноходец», рассказы Ч. Робертса «Рыцарь в оперении», «Вор». Здесь надо сделать ремарку о том, что человеку живое животное может быть необходимо не только для domestикации, для частной продажи, но и для удовлетворения психологических потребностей.

²³ См. рассказ Э. Сетона-Томпсона «Джек-Боевой конек».

(охотник), человек, наблюдающий природу (натуралист) и, наконец, человек как органичная часть природы.

Содержанием § 2 главы III является индивидуально-личностное и социальное в реалистических рассказах о диких животных.

Позиция авторов-анималистов сводится к тому, что каждое дикое животное - личность, индивидуальность, представляющая собой продукт интеграции процессов жизни конкретного субъекта. В основе конституирования внутреннего мира животного в рамках анимализма лежит факт неделимости, целостности животного как мыслящего субъекта и наличия свойственных ему особенностей. Многие индивидуальные черты характера животного, как и человека, заложены в нем с детства, но они скорее потенциальны, чем действительны: их формирование продолжается, пока у животного не разовьются все его качества. В рассказах Ч. Роберта мы чаще сталкиваемся с уже сложившейся личностью взрослого животного в различных ее частных проявлениях. Большинство рассказов Ч. Роберта отличается ситуативностью: это эпизоды из жизни животных, в которых те проявляют уже сложившиеся, статичные индивидуальные особенности.²⁴ Иную ситуацию мы наблюдаем в рассказах Э. Сетона-Томпсона: его в большей степени интересует процесс личностного становления животного в течение жизни. Изучение процесса объединения деятельности животного как субъекта стало основой биографического метода Э. Сетона-Томпсона. Эталонем биографии можно считать рассказ «Жизнь серого медведя», который представляет собой подлинный трактат об одиночестве; автор выявляет причины, по которым медведь становится угрюмым и жестоким, а также раскрывает перед читателем цепь событий, повлекших за собой самоубийство медведя. Жизнь животных часто представляется Э. Сетон-Томпсоном как совокупность этапов, жизненных циклов (например, детство, юность, зрелость, старость), каждый из которых имеет свои особенности и характеризуется определенными значимыми событиями. Жизненные циклы животного могут быть выражены как в человеческом летоисчислении (в рассказе «Серебряное Пятнышко»), так и скоррелированы с особым животным календарем (в рассказе «Красношейка»): февраль – «Голодный месяц», ноябрь – «Месяц Безумия», октябрь – «Месяц Желудей». Смена времен года – не только альтернативный способ летоисчисления, но и непреложный закон существования, усвоение которого означает достижение высшей куропаточьей мудрости: «на каждый месяц есть своя пища и свои враги».²⁵

Уникальность внутреннего мира дикого животного обуславливается его неповторимым жизненным опытом. Э. Сетон-Томпсон представляет собственную эпистемиологическую систему животного царства, ограниченную степенью познаваемости жизненных процессов для животных. У каждого животного, согласно утверждению автора, есть три источника познания. Первый источник – это опыт

²⁴ См. например, «Миссис Гаммит и ее свинья», «Голос крови», «Василь», «А-Вук-властелин вечных льдов», «Мудрый вожак», «Последний бык» «Лесной обжора» и др.

²⁵ Э. Сетон-Томпсон. Красношейка /Рассказы о животных. Минск, 1980 г. с. 122.

предков, инстинкт, переданный ему по наследству. Второй источник – пример родителей и других взрослых животных той же породы. Тема обучения потомства в семье приобретает особую значимость в творчестве писателя: это посвящение в лесную науку, древнейшую из всех наук земли. Однако, ни наследственный опыт, ни личный пример взрослых не могут научить детеныша всему необходимому, поскольку жизнь значительно более многообразна. Таким образом, третий источник познания – собственный опыт – приобретает ключевую роль в жизни животного. Однако, данный источник познания плох тем, что в основе его лежат факторы риска, и личный опыт практически всегда приобретается опасным путем, не исключающим смертельного исхода. Позитивный индивидуальный опыт оказывает существенное влияние и на развитие животных сообществ в целом. В этой связи возникает тема преемственности поколений, наученных опытом одного выдающегося представителя: «Большое счастье для стада, когда у него умный и предприимчивый вожак вроде Крэга, положившего начало его умственному развитию и улучшению породы».²⁶

Животное как личность в процессе жизни находится в постоянной и, порой, безнадежной борьбе с внешними обстоятельствами. Априорная трагичность судьбы животного для него всегда трансцендентна: такой опыт оно не в состоянии почерпнуть ни из одного источника познания. Животное бросает вызов обстоятельствам, и такой вызов сам по себе является выдающимся поступком вне зависимости от мотивов: эта уже не категория этики, а эстетики. Именно поэтому писатели-анималисты видят в своих персонажах героев. Эстетический эффект героики универсален, и это имеет свои положительные последствия. Оценивая поведение животных как героическое, человек тем самым в корне меняет свое отношение к ним, обеспечивая им спасение либо отказываясь от их убийства. В рассказе «Припертый к скале» медведь ведет неравный бой, самоотверженно сражаясь против полчищ волков, в то время как охотник вступает в сражение на стороне медведя, отдавая должное его героизму. Показательно то, что животные, борющиеся за свою жизнь, не ощущают себя героями: их слава – достояние людей, следствие их субъективной оценки.

Особым средством индивидуализации в анималистических рассказах выступает имя животного; но авторы и на эту проблематику смотрят с различных точек зрения. Э. Сетон-Томпсон, являясь сторонником выделения индивидов из животных родов, выделяет три основания, по которым животному может присваивать определенное имя: ореол обитания (Виннипегский Волк, Олень Песчаных Холмов, Спрингфильдская лисица, волк Серый Вожак из Ква-Дэвика), внешние отличительные признаки (Бланка, Домино, Серебряное Пятнышко, Белогрудка); оценка человека персонажей (Лобо, Грэмпи, Снаффи, Рыжий Денди). Ч. Робертс придерживается иного подхода: в большинстве его рассказов животные обезличены:

²⁶ Э. Сетон-Томпсон. / Из жизни гонимых. Очерки из мира животных. М., Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910 г. с.41.

это обычные рыси, медведи, волки и т.п. Отказ Ч. Робертса от присвоения большинству его персонажей имен отчасти продиктован попыткой увидеть мир живой природы глазами индейцев, слиться с ней: индивидуальность ничто по сравнению с природой как силой. Мэривэйль называет пуму Миши, поскольку так называют индейцы в принципе всех горных львов.

Возможно выделить некоторые типологические черты животных персонажей в анималистических рассказах, исходя из принадлежности их к определенным родам: белки предстают как ругатели и сквернословы,²⁷ медведи имеют склонность посещать жилище человека,²⁸ росوماхи – дерзкие грабители,²⁹ лоси – неверные супруги,³⁰ сурки – безответственные родители³¹. Внутренняя борьба инстинктов с поведенческими установками доместикации либо отсутствие таковой может становится предметом типологического анализа в отношении собак. Применяемый метод типологического конструирования, с учетом глубины психологического подхода в рамках анимализма, позволяет выделить три основных типа собак по степени их отношения к человеческому обществу и его законам: преданная собака (Зонни), независимая собака (Бинго), собака-преступник (Бран, Вулли)

Одну из основ понимания личностного самосознания животного Э. Сетон-Томпсон видит в признании за животными возможности развитой коммуникации между собой и попытке интерпретации (в отличие от Ч. Робертса, который избегает применять этот прием) системы сигналов, которую с известной долей условности можно назвать языком. Внутренний мир животного может быть связан с вербализацией как средством хранения и передачи информации: параллелизм речевых и мыслительных процессов очевиден. Существует и еще одна сфера жизнедеятельности животных, практически недоступная современному человеку. Ввиду того, что чувство обоняния развито у человека значительно слабее и играет второстепенную роль в восприятии окружающего мира, человек оказывается неспособен соотнести свой личный опыт с опытом животного, для которого любой запах содержит мощнейший информационный посыл. Э. Сетон-Томпсон отмечает: «обоняние заменяет веру в жизни медведя».³²

Семейные отношения животных также находят свое отражение в творчестве писателей анималистов. Семья – это ступень перехода от индивидуально-ориентированного поведения животного к зачаткам коллективной организации. В жизни практически любого животного с момента вступления им в брачный союз происходит смена жизненных приоритетов: от сугубо эгоистической позиции до

²⁷ В рассказах Ч. Робертса «В тисках зимы», «Пятнистый чужестранец», Э. Сетона-Томпсона «Спрингфилдская лисица», «Жизнь серого медведя».

²⁸ В рассказах Ч. Робертса «Миссис Гаммит и ее Свинья», «У дверей хижинки» «В осаде», Э. Сетона-Томпсона «Жизнь серого медведя».

²⁹ В рассказах Ч. Робертса «Лесной обжора», «Из жизни голубой лисы».

³⁰ В рассказах Ч. Робертса «Лосий двор», «первобытное усыновление».

³¹ В рассказах Ч. Робертса «Маленький поселанин и его непрошеные гости», «Молодой сурок и одноглазый гусак».

³² Э. Сетон-Томпсон / Монарх, большой талакский медведь. М., Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910 г. с.31.

альтруизма. В рамках анимализма сравнение людских и животных семейных отношений выявляет значительное сходство во многих аспектах.

Социальные проявления животных в рамках литературного анимализма раскрываются не настолько полно и исчерпывающе, как индивидуально-личностные. Это обусловлено тем, что далеко не все животные склонны к установлению постоянных коллективных связей, как, например, вороны стаи. Многие животные сообщества не являются устойчивыми и распадаются на время брачного сезона, в частности, волчьи стаи, стада горных баранов. Тем не менее, поведение диких животных и птиц в социуме тоже характеризует их: только таким образом можно выделить у определенных индивидов лидерские качества, харизму, авторитет среди себе подобных. В животных социумах имеются свои законы, иерархическая лестница, система ценностных установок и ориентиров, социальных институтов.

В анималистических рассказах нормы животного права не являются предметом гоббсовского взаимного соглашения всех животных; они образуются путем саморегуляции. Многие из них напоминают заповеди, которые иллюстрируют мудрость лесной жизни. Характерной их особенностью является то, что они могут быть как универсальными, так и частными (в том числе внутриродовыми), сохраняя при этом интуитивную понятность. «Сила равняется праву в волчьем мире», - так формулирует одну из важнейших доктрин животного права Э. Сетон-Томпсон.³³ Особенно ярко право сильного реализуется в обладании либо приобретении материальных благ, будь то ареал охоты, место обитания либо добыча. Животное характеризуется определенным отношением к этим благам; в известном смысле мы можем говорить о формировании психологии животного-собственника. В качестве еще одной заповеди животного царства можно обозначить правило соблюдения тишины и неподвижности; оно также носит универсальный характер.

В реалистических рассказах о диких животных писатели-анималисты обозначают точки соприкосновения человеческой цивилизации с животным миром, основываясь на ощущении родства мира природного и мира людей в условиях их глобалистического сосуществования. Понимание и наглядная демонстрация общих закономерностей развития людского и животного сообществ как в социальном, так и в личностном плане явилось важной составляющей передового, экологически ориентированного мировоззрения Ч. Робертса и Э. Сетона-Томпсона.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, сделанные в рамках настоящей работы.

На рубеже XIX-XX веков анимализм сформировался как культурологический и художественный феномен, характеризуя в целом состояние общественной мысли исследуемого периода. Анимализм являлся развитием и одновременно переосмыслением исторического опыта взаимодействия человека и животного, воплощение которого в различных сферах культуры (и главным образом в

³³ Э. Сетон-Томпсон. Бэдлэндский Билли/ Животные-герои. Рассказы. М., Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910 г. с.95.

литературе) было обусловлено объективными предпосылками. Среди таких предпосылок, в частности, следует отметить динамичное развитие и дифференциацию научных дисциплин, а также рост влияния естественнонаучных воззрений в обществе. Формирование антропоцентризма как аксиологической программы общественной мысли на рубеже XIX-XX вв. также стало катализатором общественных процессов контркультурного порядка, к числу которых, несомненно, относится анимализм. Следует отметить и экологический вандализм как характерную черту менталитета техногенной европейской цивилизации: бурное развитие промышленности, освоение новых территорий сопровождалось истреблением растительного, животного мира и даже ряда коренных народов. Глобальная мировоззренческая проблема европейской цивилизации заключалась в неготовности признать за животным комплексный статус мыслящего, чувствующего, нравственного субъекта, а также субъекта права. Литературный анимализм, развивавшийся с учетом новых факторов столкновения человечества с миром природы, стал методологической основой дальнейших процессов познания мира животных и человека, явился предтечей общественных движений в защиту прав тех и других.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. **Анималистическая проза как феномен общественного сознания на рубеже XIX-XX вв. // Вестн. Моск. ун-та, сер. 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация», № 4, 2008 г. с.115 – 123.**
2. Жанр анималистического рассказа в полемике ведущих анималистов рубежа XIX-XX веков // Современное гуманитарное образование в социокультурном пространстве столичного мегаполиса: сб. науч. статей/под ред. А.Г.Кутузова. – Вып.3.т.2. –Москва.: МГПИ, 2009. с.166 – 168.
3. Анимализм Серой Сова: биографические истоки феномена // Проблемы профессиональной подготовки современного учителя иностранного языка: Материалы научно-практической конференции. – М.: МГПИ, 2008. с.391 – 396.
4. Анимализм как феномен англоязычной и русской литературы рубежа XIX-XX веков на примере творчества Серой Сова и М.Пришвина // Россия и Запад: диалог культур. Сб. статей 11-й международной конференции 28-30 ноября 2005 г./под ред. А.В. Павловской. – Вып.13. ч.1 – Москва.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. с.49 – 57.
5. Серая Сова в контексте индийской культуры // Проблемы подготовки современного учителя иностранного языка: Материалы научно-практической конференции/Науч. ред.Е.М. Зотова. – М.: МГПИ, 2006. с.227 – 229.
6. Белогурова С.П. Истоки анимализма в рассказах Клавдия Элиана // Прикладные вопросы сопоставительной лингвистики: Материалы научно-практической конференции преподавателей и аспирантов/Под общ. ред. Т.С. Макаровой. – М.: МГПИ; АПКППРО, 2010. г. с.14 – 17.

Подписано в печать: 08.09.11
Объем: 1,5 усл.п.л.
Тираж: 100 экз. Заказ № 490
Отпечатано в типографии «Реглет»
119526, г. Москва, Страстной бульвар, 6/1
(495) 978-43-34; www.reglet.ru